

Е.А. КАЗАНЦЕВА

РОЛЬ МЕТАФОРИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В СЛАВЯНСКИХ ЗАГАДКАХ

Metaphorical stereotypes realized by means of folk riddles are the stable compounds of the concepts that are distant in reality. In similar situations and positions such concepts may be encoded by the number of similar codes. Mutual reencoding occurs quite frequently. The example of such a compound is a metaphorical field uniting the following concepts: *eye* – *window* – *sun*, *moon*. The metaphorical fields can be considered as one of the organizing factors of enigmatic macrotext.

В современной паремиологии существует два подхода к изучению загадок: загадку рассматривают либо как автономный текст, построенный по определенным законам, либо объектом исследования становятся тематические группы, расположенные в иерархическом порядке. Однако, рассматривая корпус загадок как макротекст, следует заметить, что космогоническая иерархия, являющаяся метафорой последовательности сотворения Вселенной, – лишь один из факторов, организующих его структуру. Система реализации ментальных связей, которые легли в основу формирования и отдельных текстов, и всего корпуса, более сложна. Кроме космогонии существуют также возможности нелинейного группирования загадок в метафорические поля, где организующим фактором являются метафорические стереотипы. С этой точки зрения интересной представляется попытка сопоставить денотаты различных тематических групп славянских загадок, связанные между собой в архаическом сознании набором устойчивых представлений об их общности, т. е. метафорическими стереотипами.

В качестве объекта исследования были выбраны концепты *око* – *окно* – *солнце*, *месяц*, далекие друг от друга в реальности (элемент живой природы – часть тела человека, артефакт и природный феномен), но очевидно сближающиеся в энигматическом контексте. Материалом для анализа послужили тексты, представленные в белорусских, русских и польских сборниках загадок; в скобках указаны номера загадок в соответствующих изданиях.

Этимологически связанные *око* и *окно* легко замещают друг друга в качестве энигматических кодов: (322) *Jak my we dnie, tak my w nosy, zawsze płaczą moje oczy* (здесь и далее номера загадок приводятся в соответствии с нумерацией, принятой в сборниках); (887)... “*Mnie tak we dnie, jak i w nosy, zawsze wytrzeszczam oczy*”; (1177) *We dnie i w nosy wyblęszcza oczy*, (2316) *Як удзень, так і ўночы – усе тыя вочы*; (3100) *Смоут Фекла – глаза мокры*; (3110) *Без глаз, а слезы проливает /Окно/*; (740) *Dwa okienka małe, bez szybek, a całe, oba blisko siebie, jak gwiazdki na niebie*; (1439) *Смоут хата – кругом мохната, одно окно и то мокро /Глаза/*; (1344) *Стоят вилы, на вилах короб, на коробе гора, на горе два стекла*; (1353) *На вилах ящик, на ящичке махало, на махале кивало, на кивале зевало, на зевале сморкало, на сморкале зеркало. на зеркалах поле, за полем роца /Человек/*. (Зеркало можно квалифицировать как энигматический окказионализм – омоним зёркала, происходящий от того же глагола **зерцати*, *зрити*, либо как метафору, где появляется сема ‘стекло’.)

Близость этих концептов в архаическом сознании подтверждается не только взаимозаменяемостью лексем и способностью их к взаимокодированию, но и появлением в образной части загадки целого ряда признаков «ментального двойника». Так, *окна*, превратившись в *oczy*, начинают *płakać*, их можно *wytrzeszczać* и *wyblęszczać*, а *oczy*, замененные на *okna*, могут характеризоваться наличием / отсутствием *szybek* и целостностью / нецелостностью.

Переход *окно* – *око* более продуктивен, чем обратный, что легко объясняется направленностью метафоры, закрепленной этимологически: именно *окно* осознается как ‘око дома’, а не наоборот, т. к. антропоморфизация присуща архаическому сознанию в большей мере, нежели овеществление.

Связь концептов *око* – *окно*, как бы «заимствующих» друг у друга дифференциальные признаки, подтверждается и фразеологически: *слепые / подслеповатые окна* ‘маленькие’; *подслеповатая изба* ‘с маленькими окнами’; *стеклянные глаза* ‘ничего не выражающие, пустые’; *остекленевшие глаза* – о покойнике, т. е. ‘мертвые’ (причем тут фиксируется само превращение живого в неживое).

Устойчивость связи очеловеченного (живого, имеющего глаза) дома и овеществленного человека (глаза которого превратились в окна) проявляется и закрепляется также в группе загадок о строении человеческого тела, где очень частотным для денотата *голова* является код ‘строение’: *тлуп; хата, пунька, кузня; город, хороминка, овин*. Так как в этой группе загадок не происходит переноса *око* – *окно*, саму возможность перехода *голова* – *дом* нельзя считать логическим продолжением первого, линейной последовательностью метафор. Скорее, следует предположить устойчивую метафорическую близость лексико-семантических полей, а рассмотренные выше переносы – частными проявлениями этого ментального стереотипа.

Для белорусского и русского фольклора частотными являются загадки, где *глаза* – *братцы* или *сестрицы* – живут по соседству, но не видятся или не сходятся, например: (1428) *Два Егорки живут возле горки, живут дружно, а друг на друга не глядят*, (934) *Два браты цераз мяжу живуць, адзін аднаго век у вочы не бачаць*. На польском материале представлена лишь одна подобная загадка: (549) *Dwóch braci patrzą bez małą gorczkę, a nigdy się ujrzesz nie mogą*. Аналогичны им загадки об окнах: (2318) *Побач стаяць, на вуліцу глядзяць, а сябе ніколі не бачаць*; (3098) *Много соседей рядом век живут, а никогда не видятся*.

Следует отметить, что метафорическая близость концептов *око* – *окно* обусловлена еще и семантической валентностью глагола *смотреть*, невозможностью осуществлять это действие при отсутствии *ока* или *окна*. На игре значений построены польские загадки-парадоксы: (1304) *Czemu lidze zdrzą bez okna? /Przez ścianę nie mogą zdrzec/*, (1299) *Gdzie człowiek patrzy, gdy rano wstanie? /Do okna/*, (1316) *Przez czego nie możemy siedzieć w chałupie? /Bez okna/*.

Нет необходимости отдельно говорить о близости концептов *солнце* – *месяц*. Они принадлежат к одной лексико-семантической группе ‘небесные светила’, и их энигматические поля (т. е. группы текстов о данном денотате) частично пересекаются. Существуют загадки с одинаковой структурой, где *солнце* и *месяц* характеризуются одним и тем же набором признаков, что было проиллюстрировано З.М. Волоцкой (см. Волоцкая 1987). Показательно, что «универсальный» для *солнца* и для *месяца* набор характеристик является сопоставимым с характеристиками *окна* и *ока*, т. е. на основании общности и близости создает потенцию для метафорических переносов.

Как утверждает З.М. Волоцкая, «Солнцу, как и месяцу, в загадках приписывается функция ‘смотреть’ и объект обладания – один глаз» (Волоцкая 1987, 258). Вероятно, следует предположить еще более древнее антропоморфное представление о небе как о живом существе (не зафиксированное в загадках), и о *солнце* (*месяце*) как о небесном *оке*: (47) *Што гэта за вочы: адно свеціць удзень, а другое – уночы /Сонца, месяц/*. Тогда представление о *солнце* (*месяце*) как об обладателе одного *ока* (*очей*) будет

вторичным метонимическим переносом. (161) *Встану я рано, бела да румяна, умоюсь росаю, распушу золотые косы, как взойду на гору в венце золотом да гляну светлыми очами – и человек и зверь возрадуются /Солнце/.*

Спорным представляется утверждение З.М. Волоцкой: «В польских загадках отрицается наличие этого объекта обладания *It. e. oka!* при утверждении действия ‘смотреть’» (Волоцкая 1987, 258). В примере (95) *Ślepy koń, ale wrotami patrzy /Słońce/* указание на слепоту постулирует, а не отрицает наличие глаз; отрицается способность этих глаз видеть, как и в русской загадке о месяце: (86) *Лысый жеребец с белыми глазами, круглый, как венец, своими очами на все он глядит.* Хотя, возможно, «белые» глаза в данном контексте следует отнести скорее не к указанию на слепоту (бельма), а к метонимическому переносу: белый цвет – частотная характеристика месяца. Появление же атрибута слепоты в польских загадках можно связать с представлением о ярком слепящем солнце (возвратный перенос). Ср.: (25) *Усе яго любяць, як паглядзяць – моршчацца*, (26) *Усе яго любяць, чакаюць, а глянуць, убачуць – адразу заплачуць* и рус. (146) *Сито свито, золотом покрыто, кто взглянет, всяк заплачет*, (147) *Взглянешь – заплачешь, а краше его на свете нет /Солнце/.* Характерно, что в польской загадке о месяце (бледный свет которого не режет глаза), аналогичной по структуре примеру о «слепом» солнце, упоминание о слепоте исчезает: (135) *Łysy wół przez wrota patrzy.* Но в обоих случаях в образной части имплицитруется указание на старость, древность денотата, что подтверждается и одним из вариантов приведенной выше загадки, где месяц называется *łyse koń*; ср. фразеологизм *znać się jak łyse konie* – т. е. очень давно; то же в русской загадке (92) *Лысый старик через заплот смотрит* (признак месяца «лысый» распространен в русских загадках; среди белорусских и польских загадок подобные характеристики месяца и солнца не встречаются).

Показательно, что в загадках не фиксируется возможность непосредственно смотреть на месяц, небо (например, подняв голову). Чтобы его увидеть, необходимо *выглянуть в окошко*: (65) *Выгляну в окошко: стоит репы лукошко, выгляну в другое – стоит плет с дугою*, (3) *Глядзь праз вакно, відаць сіняе палатно.*

В свою очередь, месяц или солнце (способное облететь и согреть весь свет, *усё навокал*), когда они смотрят с неба как «небесное око», смотрят именно в окно – око дома: (9) *Ні стучыць, ні гручыць – у ваконца глядзіць*; (154) *Красная девушка в окошко глядит /Солнце/*; (153) *Круглолица, белолица во все зеркала глядится /Луна/.* Только через окно проникают в дом солнечные лучи: (46) *З акна ў акно – залатое верацяно*, (181) *Белое суконце лезет в оконце*, (185) *Из окошка в окошко – золотой прут.*

Очень интересна польская загадка, где солнце и месяц (в разных вариантах) изображаются деревом, а их свет – тянущимися в окно ветвями: (165p) *Pośród świata dąb stoi, a do każdego okna gałązki wiszą /Słońce/*; (165p) *Stoi dąb na środku wsi, do każdy chałupy konar wisi /Księżyc/.* Названные загадки (вероятно, наиболее древние) связаны с представлением о мировом древе, которое, в свою очередь, соотносимо, с одной стороны, с крестом (ср. древнее изображение солнца в виде свастики – вращающегося креста; атрибут солнца – *вращение* – устойчиво закреплен в загадках), а с другой стороны – архетипически связано с человеком (ср. описанное выше антропоморфное изображение солнца).

Однако с этими загадками не следует смешивать загадки типа: (16) *У горадзе на Сіяне стаіць дуб-ветрадуб, на тым дубе пціца-верацяніца, ніхто яе не дастане: ні цар, ні царыца, ні красная дзявіца, ні добры маладзец*; (145) *Стоит дуб-стародуб, на том дубе-стародубе сидит птица-веретеница, никто ее не поймает: ни царь, ни царица, ни красна девица.*

Хотя отгадка у них – *солнце*, нельзя согласиться с З.М. Волоцкой, что это «загадки, в которых солнце обозначено видом дерева» (Волоцкая 1987, 257). Скорее, появление такой отгадки – позднейшее переосмысление, связанное с тем, что структура утратила первоначальную прозрачность и отгадка частично забылась. Вероятно, изначально подобные тексты предполагали две кодируемые позиции: *солнце* и *небо*. Такое предположение подтверждается возможностью переноса *небо – дерево*, зафиксированного в украинских загадках, и этимологической связью лексем *небо – гора – город*, а также очень частотными для белорусских и русских загадок метафорами *солнце – веретено* и *солнце – птица*. (184) *Из окошка в окошко – золотно веретешко*, (140) *На заре зарянской катится шар вертлянский, никому его не обойти, не объехать*; (38) *Па гары гаранскай каціўся шар вярханскі, ніхто яго не аб'едзе і не абыдзе*, (21) *Кацілася качулачка – ні звер, ні птушачка, ні агонь, ні вада, не адгадаеш нікагда*, (8) *Вышэй аблакоў чырвоная птушка лятае*, (40) *Красненькі пеўнік па жэрдачцы ходзя*.

Подобно солнечному лучу, взгляд человека имеет продолговатую, вытянутую форму, а глаза устремлены к солнцу (*небу*): (14) *Co do słońca naprzód dobieży?*; (1452) *Мои вожжи золотые до неба достанут, а круг головы не достанут*, (951) *Два шнуры да неба*, (945) *Маленькі, удаленькі, да неба ўскінеш*, (1445) *Кругленьким, маленьким до неба докинешь*.

Солнце может выступать в качестве кода для *глаз*: (957) *Сонца-калонца, пасярэдзіне жывіца, хто не адгадае, не будзе жаніцца*. Глаза могут отождествляться с небесными светилами – гипперонимом *солнца, месяца, звезд*, как в загадке о носе *Між двух свяшч я пасярэдзіне адзін*.

Так же, как *глаза* и *окна*, неспособные встретиться / увидеться (см. выше), ведут себя *солнце* и *месяц*: (131) *Хоть и видятся, а не сойдутся*; (133) *Сестра к брату в гости идет, а он от сестры прячется*, (48) *Сястрыца да брата ў госці ідзе, а брат ад яе хаваецца*. В загадке (38) *Dwa węzółki soli cały świat osoli /Oczy/* соль не только ассоциируется со слезами, но и сохраняет этимологическую связь с *солнцем*.

В белорусских и русских загадках и для *глаз*, и для *солнца* характерны будут признаки: *круглый, маленький* и деминутивные формы, указывающие на положительную коннотацию; для польских загадок подобные описания нехарактерны. И *солнце*, и *глаза* в загадках подвижны, быстры, легки: (976) *Co jest najszybsze? /Oko/*; (171) *Что на свете всего резвее? /Солнце/*, (1031) *Wiedno biegnie, wiedno goni, nie dopędzisz go w sto koni, chcesz czy nie chcesz, swoje broi, a wiedno na miejscu stoi /Słońce/*. И *солнце*, и *глаза* *горят, сияют, светят*, связаны с семантикой огня: (1097) *Co się pali bez ognia?*; (168) *Какой огонь всех ярче горит?*, (10) *Вышэй лесу, краша пламя /Сонца/*, (954) *Чатыры бягуць, два стаяць, два свецяць /Вочы/*; (1381) *Два двачка, два коротычка, два собой играють, два светло горят /Брови, уши, зубы, глаза/*.

Рассмотренный материал имел целью показать, сколь глубинны и прочны основанные на метафорических стереотипах ментальные связи в загадках. Однако он является лишь иллюстративным, фрагментарным, прослеживает связь лишь трех денотатов, сближающихся в энигматическом контексте. Ментальные связи между различными денотатами пронизывают и организуют весь корпус загадок: так, в загадках будут связаны глаза, звезды и свечи; глаза, звезды и месяц (имеющий съедобную семантику в отличие от солнца) окажутся связанными с хлебом, все вместе будут объединены семантикой огня. Огонь станет центром метафорического поля, ассоциируясь, с одной стороны, с птицами и животными, а с другой – с домом, печью, выпечкой хлеба. Печь обретает сходство с домом и скотиной, ртом, небом. Небо – со временем и мирозданием, смертью (амбивалентность образа древа-креста), с землей; земля – с дорогой, цепью и т. д.

Таким образом, говоря о макротексте загадок, следует учитывать не только их тематические группы, но и метафорические поля денотатов; рассматривая отдельную загадку как системную единицу макротекста, следует помнить не только о возможности ее автономного функционирования и самодостаточности, но и о ее открытости, внутренней связи с другими текстами.

ЛИТЕРАТУРА

- Беларуская народная творчасць: Загадкі / Склад. М.Я. Грынблат, А.І. Гурскі. Мн., 1972.
 Волоцкая З.М. Элементы космоса в фольклорной модели мира (на материале славянских загадок) // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 250–266.
 Загадки / Издание подготовила В.В. Митрофанова. Л., 1968.
 Polskie zagadki ludowe / Wybrał i opracował S. Folfasiński. Warszawa, 1975.

Казанцева Елена Анатольевна – преподаватель, кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ.

О.А. ОБЛОВА

КОРРЕЛЯТИВНОСТЬ РУССКИХ ПРИЧАСТНЫХ ОБОРОТОВ И БЕЛОРУССКИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

The article reviews participial constructions of the Russian language and inter-linguistic correlations in Belarusian literary texts. Cases of compression and syntactical expansion of the text in translation into Russian are described here, standard and individual author's types of inter-linguistic correlations are analysed in the article as well.

Сопоставительное исследование белорусских художественных текстов и их переводов на русский язык позволяет выявить закономерности, сходства и различия в структуре и функционировании родственных языков. При непосредственном анализе белорусских текстов и их переводов на русский язык мы установили, что русские причастные обороты появляются в тексте перевода на месте следующих белорусских грамматических форм и конструкций: 1) **причастных оборотов**; 2) **словосочетаний** – «глагол + существительное», «глагол + синтаксически несвободное словосочетание», «фразаологизм + существительное», «деепричастие + существительное», «причастие + наречие», «прилагательное + наречие»; **предложений** – двусоставных, односоставных, предикативных частей сложного предложения; **различных частей речи и форм слов** – причастий, имен прилагательных, имен существительных, наречий.

Чаще всего русский причастный оборот появляется на месте белорусского причастного оборота. При этом закономерна коррелятивность белорусских страдательных причастий прошедшего времени и русских страдательных причастий прошедшего времени. Бел.: *Кароткае было шчасце, **вырванае** ў бога* (У. Караткевіч «Каласы пад сярпом тваім»); рус.: *Коротким было счастье, **вырванное** у бога* (пер. В. Тараса). Наличие большого количества таких переводческих соответствий объясняется межъязыковой системной соотносительностью: и в русском, и в белорусском языках существуют страдательные причастия прошедшего времени, которые участвуют в процессе порождения текста как средство его компрессии.

Интерес представляют случаи замены белорусских страдательных причастий прошедшего времени на русские действительные причастия прошедшего времени. Бел.: *...Алесь убачыў над паркам узгорак з голай верхавінай, а на ім нешта ружова-аранжавае, **узнесеная** проста ў неба сваімі каланадамі* (У. Караткевіч «Каласы пад сярпом тваім»); рус.: *...Алесь увидел над парком пригорок с лысой вершиной, а на нем что-то розово-оранжевое, **вознесшееся** прямо в небо своими колоннами* (пер. В. Щедриной). Подобная модель перевода – отражение существующей синонимии между страдательными причастиями прошедшего времени, предикативными